

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Баевой Ангелины Викторовны, на тему «Объективность и артефакт в современной эпистемологии», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания

Трансформация исследовательского аппарата науки в эпистемологическом ракурсе приобретает особую значимость в условиях цифровизации распределения знания в современном обществе. Меняющиеся стратегии производства научного знания, его новая трансдисциплинарность, включающая различные комбинации агентов, в том числе и не аффилированных с институтом науки, широкие сети актантов, поддерживаемые на основе интернет-технологий – все это актуализирует обращение к проблемам выявления онтологического состава науки. Обращение диссертанта к переориентации научного знания от массива организованных текстов, подчиненных пропозициональному порядку и связанной с ним историей идей, к сетям мест и практик, и связанной с ними историей событий, представляется оппоненту рецензируемой работы весьма своевременным, поскольку позволяет выйти на качественно новую интерпретацию объективности научного знания, учитывающую связь результата исследования с актантами-артефактами, необходимы для его реализации.

Актуальность темы А.В. Баевой детерминирована акцентированием роли артефакта в производстве научного знания в парадигме STS-исследований. Обращение к фундаментальной проблеме материального основания, обеспечивающего «науку в действии», позволяет подвергнуть рефлексии неразрывность современных практик научного исследования и производства «эпистемических вещей», меняющих способы артикуляции научного знания. Таким образом, обращение А.В. Баевой к

эпистемологическому осмыслению новых способов описания и исследования науки представляется актуальной в области онтологии и теории познания.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации определяется обращением А.В. Баевой к изучению большого объема источников, а также исследований российских и зарубежных теоретиков (61 источник на английском языке, включая работы, еще не вошедшие в отечественный научный оборот), посвященных модели современной науки и анализу современной эпистемической ситуации. Проведенное ею философское исследование отличается высокой степенью эмпирической и теоретической обоснованности основных тезисов представленной им диссертационной работы.

Новизна диссертационного исследования выявляется в основных выводах диссертации. В работе прослеживается установка на реконструкцию изменений эпистемических понятий объективности и факта, вызванных появлением новых способов исследования науки. Тематизация и проблематизация объективности и артефакта осуществлена с учетом структуры проблемного поля современной эпистемологии, многообразия современных исследовательских практик и соотнесения нормативного и материального порядков науки.

Исходя из тезиса множественности режимов существования современной науки, автор показывает, как фактические модальности науки позволяют обнаружить включение в ее онтологический состав описывающих ее эпистемических понятий. Особое внимание уделено эмпирической деконструкции теоретических универсалий традиционной эпистемологии. Автор рассматривает объективность как одну из многих эпистемических добродетелей, получивших доминантное значение для описания сущности науки в конкретный исторический период.

Хотелось бы также остановиться на ряде принципиальных моментов диссертации, заслуживающих внимания.

Следует поддержать авторскую разработку проблемного поля эпистемологии через демаркацию двух ее типов, обозначенных автором как «традиционная» и «современная», противостоящих как история идей и материальная эпистемология, деконструирующая традиционную эпистемологию через многовекторный гетерогенный режим знания о знании. Таким образом противопоставляется автономия научного знания в традиционной эпистемологии, основанная на стабильности субъекта познания, и деавтономизация науки в современной эпистемологии, приводящая к утверждению представления о науке как множестве материальных практик. Автор показывает, что эта интерпретация предполагает пристальное внимание к техникам проведения наблюдения и эксперимента, формам репрезентационного закрепления их результатов, типам научной самости, формам коллективного эмпиризма (с. 30). Смещение исследовательской оптики центрирует роль артефакта, исключавшегося из поля зрения традиционной эпистемологии, и получающего статус неустранимого элемента производства знания, в итоге вопрос «что есть наука?» замещается вопросом «как она делается?» (с.33). На этой основе происходит отказ от попыток понять науку как целое, которому автор придает решающее значение. Поворот к материальному означает проблематизацию абстрактных и универсальных эпистемических понятий (с. 35).

Автор обращается к материальной эпистемологии Д. Беэрда, чтобы описать его как поворот от идей о знании к вещам, воплощающим знание, от знаний-убеждений к «вещным знаниям», в которых размывается граница между наукой и технологией. Артефакты, воплощающие знания, становятся основой модели «инструментальной объективности». «Экспериментальная» эпистемология, представленная Шейпином и Шеффером, используется автором для калибровки вклада артефактов в производство надежного знания (с. 49). Поворот от пропозиционального порядка представления знания к непропозициональным формам автор демонстрирует набором кейсов

лабораторных, медицинских, визуализационных практик. Анализ конкретных научных практик позволяет автору концептуализировать науку как множественный исследовательский объект, включающий в себя различные «способы делать науку» (с. 57), в которых материальные практики производства артефактов играют ключевую роль.

Следует поддержать выдвигаемую автором интерпретацию понятия «объективность» в науке. Автор ставит вопрос о том, как изменяются содержание и функции объективности в связи с изменением способов описывать и исследовать науку в современной эпистемологии (с. 69-70). Анализ обоснования объективности науки в традиционной эпистемологии позволяет автору прийти к выводу, что она играет роль ценности (с. 71), имеет интерсубъективный, т.е. несубъективный, характер (с.71-72), обеспечивающий достоверность (с. 74) пропозиционального научного знания. В современной эпистемологии объективность перестает быть характеристикой науки, но становится объектом исследования (с. 76). Тем самым разрывается ее абсолютная и универсальная связь с научным знанием (с.77). Альтернативные эпистемологии, включая, главным образом, феминистическую, играют в этом разрыве, по мнению автора, важную роль. Поскольку нет «науки вообще», объективность партикуляризируется до процедур конкретных практик. Именно поэтому автор заменяет вопрос «что есть объективность» вопросом «как делается объективность?» (с.85). Можно сказать, что объективность трансформируется в научную функцию за счет самодисциплинирующего самопреодоления субъективности.

Опираясь на историческую концепцию объективности Л. Дастон и П. Галисона, автор показывает ретроспективу утверждения ее как термина в конкретный исторический период в связи с конкретными научными практиками (дрейф от этоса «истины-по-природе» к «механической объективности»), тем самым трактуя историю объективности как метаисторию способов делать науку (с. 93), и, одновременно, способов, которым исследователи преодолевают собственную субъективность,

формируя свою самость (с.97). Объективность как эпистемическая добродетель сближает эпистемологию и этику, но это сближение не статично: автор кропотливо (временами избыточно) показывает, как смена эпистемических добродетелей связана со сменой техник производства артефактов, и со сменой этических установок в борьбе за научное видение. Этот заслуживающий поддержки вывод автор подкрепляет анализом историзации наблюдения, показывающим, как совершенствовалось и расширялось пространство непропозициональных форм представления знания и власти (с. 109), обеспечивающее координацию коллективного эмпиризма наблюдателей. В итоге автору удастся отразить принципиально сложный онтологический состав науки, интегрирующих пропозиции и множество непропозициональных режимов представления знания.

Нетривиальна авторская проработка эпистемической соотнесенности объективности и факта. Артефакт есть вещь, создаваемая для производства знания (с. 125). Отрыв от субъективности означает не переход к абстрактной объективности, а к конкретному артефакту, обеспечивающему достоверность. Хотя артефакты лежат в основе идеализаций, они материальны. Обращаясь к онтологии артефактов М. Линча, автор определяет артефакт как характеристику не объекта, но встречи объектов. Задача артефакта – порождать контекст для формирования научных теорий (с. 136). Для описания действия артефактов автор обращается к акторно-сетевой теории (с. 137), показывая, что в современной эпистемологии признание знания научным зависит от его успешного функционирования за пределами самой науки (с. 150). Истинность сопрягается с артефактом, соединяя в себе режимы нормы и практики. Новое эпистемическое значение направляет авторскую мысль к технонауке как концепту, объединяющему технологию и науку (с. 152) в особое пространство, согласующее деятельность людей и структур. Меняющиеся способы визуализации знания через артефакты обратной связью формируют практики самодисциплины исследователей, которые в цифровую эпоху совмещают функции ученых и

инженеров. В итоге автор конструирует эпистемически значимый сюжет неразрывной связи производства научных образов и научной самости, эффектом которой и является объективность.

Одновременно, необходимо высказать ряд замечаний.

1. Методологическая база диссертации не эксплицирует принципы организации того, что заявлено как «предлагаемый в диссертации методологический анализ ряда актуальных трендов в современных исследованиях науки» (с. 16). Если актуальные тренды были объектом методологического анализа, то они выполняли роль кейсов, их упоминание не проясняет, как именно автор свой анализ методологически организовывал, какие категории играли в его работе методологическую роль, как «актуальные тренды» соотносились, использовались ли они иерархически, были среди них основные и дополнительные.

2. Ключевым понятием для введения работы и положений, выносимых на защиту, является концептуальная конструкция «онтологический состав науки», эксплицитно присутствующая в положениях 1, 2 и 5, и эксплицитно – в положении 3. Между тем, прямого рабочего определения этой конструкции в тексте работы нет (приближением можно считать фразу со с. 178 «...современная эпистемология исследует сложный онтологический состав науки, представляющей собой не только набор высказываний и теорий, но и множество эмпирических режимов существования науки»), и даже на правах метафоры она встречается в тексте весьма редко.

3. В выводах диссертации осталась невостребованной весьма пространная работа автора с понятием «самость», восходящему к Дастон и Галисону, при этом в тексте работы апелляции к самости встречаются гораздо чаще (особенно это характерно для главы 3), нежели, например, к ключевой для введения работы конструкции «онтологический состав науки». Хотелось бы узнать, как автор соотносит понятия научной самости и онтологического состава науки.

4. Существенная часть работы посвящена визуальным практикам науки (параграфы 2.4 и 3.4), автор подробно рассматривает синонимический ряд «производство образов», «визуальные практики», «научное видение». В положениях, выносимых на защиту, эта категориальная интенция автора отражения не нашла. Связано ли такое «производство образов»/«научное видение» с онтологическим составом науки и входит ли оно в его структуру?

5. Обращаясь к идеям Латура и Ло, автор несколько раз упоминает акторно-сетевую теорию. Хотя в методологии акторно-сетевая теория присутствует в несколько странном статусе, по-видимому, объекта «методологического анализа ряда актуальных трендов в современных исследованиях науки» (с. 16), автор прямо обращается к ней на с. 137 и далее пытается применить ее для обоснования «нового понимания «объективности» естественных наук и «субъективности» гуманитарного знания» (с.138). В этой связи возникает вопрос, как связаны (и связаны ли) идеи акторно-сетевой теории и авторское понимание онтологического состава науки? Что происходит с онтологическим составом науки, когда «наука действует»?

6. Собственно, на данном этапе правомерен вопрос, о том, что именно автор понимает под онтологическим составом науки? Какую роль играет в нем артефакт? Что, кроме артефакта, в него включается?

7. Увлеченность анализируемыми текстами привела к эффекту захваченности автора текстами – многие рассуждения изобилуют длиннотами и самоповторами, а их ключевые конструкции не входят в выводы по тексту. Такая избыточность при тяготении к пространному цитированию и комментированию в подтекстовых сносках временами, конечно, демонстрирует эрудицию автора, но никак не усиливает его концепцию, сформулированную в положениях, выносимых на защиту.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени

М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; текст диссертации оформлен согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

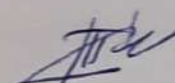
Таким образом, соискатель Баева Ангелина Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, доцент
профессор кафедры теоретической и социальной философии
философского факультета
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ТИХОНОВА

Софья Владимировна

6 декабря

Контактные данные:

тел.: +7 (8452) 21-36-10, e-mail: tihonovasv@info.sgu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена докторская диссертация:

09.00.11 – Социальная философия

Адрес места работы:

410028, г. Саратов, ул. Вольская, 10 А, корпус 12, комн. 205, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», философский факультет, кафедра теоретической и социальной философии

Тел.: +7 (8452) 21-36-10, e-mail: philosof@info.sgu.ru